КЛАССИКА НАУЧНОЙ МЫСЛИ

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

НА ПУТИ К СВЕРХОБЩЕСТВУ*
Часть 1
Методологический очерк

НАУЧНЫЙ ПОДХОД

Но в чем заключается научный подход к социальным явлениям? В наше время расцвета науки и ее колоссальной роли в жизни человечества найти человека, который был бы против такого подхода и который считал бы свои суждения ненаучными, вряд ли возможно. Важно, как именно понимается этот подход и как он реализуется фактически.

Слово «наука», как и вообще вся терминология сферы социальных исследований и разговоров, неоднозначно. Этим словом называют всякую более или менее систематизированную совокупность знаний, на овладение которыми нужно профессиональное обучение. В этом смысле в число наук попадают и алхимия, и астрология, и теология, и советология, и кремлинология, и кулинария... Наукой называют также совокупность знаний, которая характеризуется определенными целями и определенным подходом к изучаемым явлениям, определенным способом мышления и исследования. Буду такой подход к исследуемым явлениям называть научным. Я вижу задачу логической социологии в том, чтобы разработать такой подход в применении к социальным явлениям.

В этой части книги я хочу охарактеризовать самые фундаментальные черты научного подхода к исследуемым явлениям (можно сказать – научного «поворота мозгов»). Читатель не должен при этом рассчитывать на то, что я буду преподносить ему какие-то сенсационные открытия на этот счет. Те черты научного подхода, о которых я буду говорить, широко известны. Для представителей естественных и точных (дедуктивных) наук некоторые из них суть нечто само собой разумеющееся. Они тут навязываются са-

---

* *А.А. Зиновьев* – известный писатель, философ и социолог (1922 – 2006). Печатается по: *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 638 с. Материал подготовлен доктором социологических наук, профессором С.С. Фроловым.

мими условиями исследования и высоким уровнем профессионализма. В них не суют нос с претензией на поручительство никакие политики, журналисты, бизнесмены, известные артисты и спортсмены, государственные и партийные чиновники. Иное дело – сфера социальных исследований. Тут чем сложнее проблемы с научной точки зрения, тем настырнее в них суют нос именно политики, журналисты, чиновники, бизнесмены и прочие значительные личности, причем суют нос с претензией на открытия, понимание и поучительство. Тут отстаивание научного подхода к социальным явлениям надо начинать именно с самых фундаментальных и очевидных принципов.

Далеко не все, что делается в сфере профессиональных социальных исследований, может служить примером научного подхода к социальным объектам. Не все, что делается вне этой сферы, должно быть отнесено к ненаучному подходу. Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. Он больше нужен в профессиональной науке и чаще тут встречается. Но нет запретов на выработку и применение его и для людей, не имеющих степеней и званий и не зарабатывающих на жизнь путем сочинения научных статей и книг.

Научный подход не есть нечто одинаковое для всех людей и для всех ситуаций познания. Он может иметь различные степени развитости, различные степени четкости, различные степени «растворенное» (концентрации) в общем объеме мышления и познания. Обычные, средненормальные люди так или иначе овладевают какими-то элементами научного подхода или даже сами открывают их, не отдавая себе в этом отчета. И даже выдающиеся мастера научного подхода так или иначе покидают позицию научного подхода и отдаются во власть обывательского и идеологического способа мышления. Так, один из самых выдающихся умов в истории человечества – Маркс – создал в общем и целом величайшую в истории нерелигиозную идеологию, а не науку, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден в том, что создал именно таковое. Сколько лет марксизм превозносился как самая что ни на есть подлинная наука об обществе! Сколько миллионов людей было в этом убеждено и все еще убеждено! Точно так же обстоит дело с западной сферой социальной мысли, в которой на самом деле доля научного подхода не превышает таковую в марксизме.

Научный подход, повторяю, образует не одна или несколько общепонятных и общедоступных идей, а сложная совокупность средств, принципов, правил и т. д. познания. Некоторые из них, самые простые, доступны широкому кругу более или менее образованных людей. Для овладения другими нужны годы специального образования и опыт исследовательской работы. Третьими могут овладеть лишь немногие интеллектуально одаренные исключительные личности.

В общей словесной форме принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, т. е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он может впадать в заблуждения. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющее ничего общего с познанием. Фраза «Платон мне – друг, но истина дороже» тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило.

Позиция исследователя, руководствующегося принципами научного подхода к социальным явлениям, подобна позиции исследователя, наблюдающего муравейник. Заметив, например, разделение муравьев на различные категории, исследователь не становится защитником интересов одних из них, не разражается гневом по поводу какой-то несправедливости, не предлагает никаких проектов более разумного и справедливого переустройства муравейника. Научный подход к социальным явлениям означает беспристрастное отношение к ним, отсутствие эмоциональной вовлеченности в отношения между людьми, безразличие к интересам тех или иных категорий людей. Он означает также правдивое описание изучаемых явлений, не считаясь с тем, какие чувства у людей это может вызвать. Но люди и их объединения по самой своей природе таковы, что они скорее примирятся с ложью о себе, чем с неприятной для них научной истиной. Они воспринимают такую истину как разоблачение своих сокровенных тайн, как клевету и как угрозу. Не случайно самопознание было истолковано в Библии как первородный грех. А в наше время беспристрастное научное познание социальных объектов стало фактически всеобщим табу. Огромное число представителей рода человеческого стоит на страже этого табу, допуская к жизни лишь крупицы истины, к тому же обработанные так, что в них не остается яда познания.

Требование беспристрастности в отношении объектов неживой и живой дочеловеческой природы очевидно. Да и то порою исследователи не могут избавиться от своих симпатий и антипатий по отношению к объектам, с которыми имеют дело. А в сфере социальных объектов отношение исследователей к личностям, массам, движениям, партиям, классам, социальным системам и т. д. накладывает свою печать на то, что они говорят и пишут о них. Тут субъективизм и тенденциозность суть обычное дело. Устанавливаются оценочные штампы. Например, считается, что демократия – это хорошо, а диктатура – плохо, что коллективизация в России была злом, сталинизм был преступлением, советский период был черным провалом русской истории, Запад есть средоточие всех добродетелей, Советский Союз был империей зла. Попробуйте проанализировать с этой точки

зрения то, что сообщается в средствах массовой информации на социальные темы, и вы вряд ли обнаружите беспристрастные (нетенденциозные) суждения. При ознакомлении советских людей с марксизмом всегда сообщали, что Маркс и Энгельс перешли на позиции пролетариата, и считали это признаком научности, а учения «буржуазных» мыслителей считали ненаучными уже на том основании, что они были на позиции буржуазии. А между тем именно классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и к социальной эволюции на идеологический.

Научный подход, далее, означает то, что исследователь в познании объектов исходит из наблюдения реально существующих объектов, а не из априорных (предвзятых) представлении, мнений, предрассудков. Социальные объекты суть эмпирические, т. е. наблюдаемые людьми посредством их природных органов чувств и усиливающих их приспособлений объекты. Если таких объектов нет в реальности, то не может быть никакой науки о них. Измышления о несуществующих эмпирически объектах наукой не являются. Это вроде бы очевидно. Но фактически этот принцип постоянно нарушается и даже умышленно игнорируется не только на уровне обывательского мышления, но и в сфере профессиональной науки. Еще совсем недавно, например, считалось широко признанным убеждение, будто наука о «полном коммунизме» («научный коммунизм») возникла уже в прошлом веке, хотя этого полного коммунизма не было якобы даже в Советском Союзе. При этом исходили не из фактически данной советской реальности, а из утверждений людей, никогда не живших в реальном коммунистическом обществе, причем высказывавших свои суждения о коммунизме, когда его еще не было в реальности даже в виде первой его стадии, называвшейся социализмом. А многие мыслители шли в этом направлении еще дальше. Они полагали (думают так до сих пор), будто советский коммунизм был построен неправильно, поскольку, согласно Марксу, он должен был выглядеть совсем иначе. С точки зрения научного подхода к реальному коммунизму надо поступать как раз наоборот, а именно – брать за исходное то, как в реальности сложился социальный строй в Советском Союзе в силу его конкретных исторических условии и объективных социальных закономерностей, и смотреть, насколько созданная Марксом воображаемая картина будущего для него общества соответствует этой реальности. Неправильной тут является не реальность, а априорная теоретическая концепция, применяемая к ней.

Точно такая же ситуация сложилась и в отношении к современному социальному строю западных стран. Общепринято считать его капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Причем капитализм и демократия описываются так, как это сложилось в XIX веке и в первой половине XX века в западной идеологии. И до сих пор тысячи специалистов упорно жуют и пережевывают эти став-

шие бессмысленными представления, игнорируя тот очевидный факт, что социальный строй западных стран радикальным образом изменился, что во второй половине нашего века в этом отношении на Западе произошел качественный перелом. И даже самые умные и трезвые западные теоретики говорят об отклонении нынешней экономической и политической системы Запада от некоего правильного капитализма и некоей правильной демократии.

Научный подход означает, что исследователь познает то, что существует, возможно, невозможно, необходимо, случайно, закономерно и т. д., независимо от того, познает это исследователь или нет, а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть по его мнению. Позиция долженствования не есть позиция научная.

Социальные объекты суть объекты исторические, т.е. возникают в какое-то время, существуют в конечном временном интервале и в конце концов прекращают существование. Кажется естественным, что научный подход к ним должен заключаться в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Но эта кажимость ошибочна. Не изучение конкретной истории дает ключ к научному пониманию социального объекта, а, наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования. Надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории.

Надо различать два вида подхода к социальным явлениям как к историческим – два вида историзма. Один из них можно видеть в истории как особой сфере науки. Ее основная установка – выяснение того, что конкретно происходило в таких-то районах планеты в такое-то конкретное время, а также выяснение того, как конкретно возникали, существовали и погибали конкретные социальные объекты. И в современности предмет внимания историков – конкретные события, личности, даты. Второй вид историзма можно видеть в социологических концепциях, так или иначе учитывающих исторический характер социальных объектов, а также рассматривающих эти объекты с точки зрения их эволюции во времени. Тут не конкретное пространство и время принимаются во внимание, а обобщенные пространственно-временные характеристики объектов того или иного рода.

О социологических концепциях я уже говорил. Что касается конкретных исторических исследований, то тут положение не лучше, чем в социологии. Не берусь судить, в какой мере прошлая история человечества сфальсифицирована умышленно, в силу неумения специалистов и идеологического давления. Думаю, что в достаточно большой мере, чтобы не принимать ее свидетельства как надежные. История же современная (происходящая на наших глазах), охватывающая все самые важные явления социальной жизни человечества нашего века, сфальсифицирована и фальсифици-

руется с таким размахом и настолько изощренно, что искать тут какие-то прочные опоры для научного подхода бессмысленно.

Научный подход к социальным объектам предполагает, наконец, следование правилам логики и методологии науки. И это требование кажется бесспорным, само собой разумеющимся. Вряд ли вы найдете человека, который с ним не согласился бы. И опять-таки фактически лишь ничтожное число исследователей и в ничтожной мере следуют ему. Почему? Конечно, многие умышленно нарушают правила, о которых идет речь. Но это не значит, будто они знают эти правила. Обычно они их не знают вообще или знают на самом примитивном уровне.

Подавляющее большинство говорящих и пишущих на социальные темы просто не умеет пользоваться этими правилами. Лишь самые примитивные из этих правил и на самом примитивном уровне усваиваются как бы сами собой, просто в практике образования и работы. Но в более сложных случаях без специального изучения этих правил следовать рассматриваемому принципу невозможно, подобно тому, как невозможно без специального обучения правилам грамматики того или иного языка грамотно писать на этом языке.

Но мало сказать, что исследователь должен следовать правилам логики и методологии науки. Важно, как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент, насколько они соответствуют потребностям познания. Если, например, вы хотите строго определять понятия, но не знаете различий между определениями и утверждениями, а из видов определений знакомы только с самыми примитивными определениями путем указания родовых и видовых признаков объектов, то вашему намерению грош цена. А попробовав найти в логических сочинениях полезные советы на этот счет, вы убедитесь, что хорошо разработанной, общепринятой и пригодной для неспециалистов в логике теории такого рода не существует. Так обстоит дело и с прочими разделами логики и методологии науки. Ее состояние фактически не соответствует задаче обеспечения научного подхода к социальным проблемам современности. В моей логической социологии я стремился хотя бы в какой-то мере компенсировать этот недостаток.

Научный подход к социальным объектам в каком-то смысле есть развитие на профессиональном уровне того явления в интеллектуальной деятельности людей, которое часто называют здравым смыслом, народной мудростью и ясновидением. Здравый смысл (в моем понимании) есть способность человека, которая основывается, во-первых, на знании некоторых очевидных эмпирических фактов и на интуитивном понимании некоторых простейших социальных законов и, во-вторых, на интуитивном следовании некоторым простейшим законам логики.

Результаты научного исследования эмпирических объектов фиксируются в знаниях об этих объектах. Эти знания можно рассматривать в трех аспектах – языковых средств, объективного содержания и спосо-

бов получения. Они суть аспекты единого феномена. Тем не менее они различны. В первом из них мы абстрагируем правила образования терминологии науки и правила оперирования языковыми конструкциями как особыми объектами, отличными от объектов, к которым они относятся. Этими правилами занимается логика в традиционном смысле (формальная логика), – правилами построения определений понятий и суждений и правилами умозаключений. Во втором аспекте речь идет об обобщенном описании эмпирических объектов, к которым относятся языковые образования. Этим занимается онтология в традиционном смысле – наука о познаваемом эмпирическом мире. И в третьем аспекте имеются в виду действия исследователей, предпринимаемые ими с целью получения суждений об объектах. Обобщенным описанием этих действий занимается гносеология, она же эпистемология, или учение о методах познания в традиционном смысле. Как они это делают – это другой вопрос. Ниже я изложу ряд соображений об этих трех аспектах, которые совершенно необходимы для понимания социологических рассуждений автора.

ЯЗЫК

Наши взаимоотношения с миром, в котором мы живем, опосредованы языком. Это опосредование играет для нас гораздо более серьезную роль, чем это принято думать. Здесь мало сказать, что эта роль большая или даже огромная, – слова «большая» и «огромная» в данном случае ровным счетом ничего не говорят о качестве играемой роли, которая количественно может быть и незначительной. Мы, люди, обладаем определенными свойствами, сложившимися в результате длительной социально-биологической эволюции. Мы живем в определенных исторически данных условиях. И потому мы из поколения в поколение вынуждаемся выделять в окружающем нас мире лишь определенные явления, вынуждаемся выделять их определенными, доступными нам способами, вынуждаемся отражаемые нами явления фиксировать в определенных средствах языка. Мы оперируем этими средствами, не отдавая себе отчета в их происхождении и их логических свойствах. Мы узнаем при этом в мире лишь то, что позволяют нам эти средства и к чему они нас принуждают. До поры до времени они вполне достаточны для нашей ориентации в мире, для фиксирования нашего жизненного опыта и результатов познания. Но в познании возникают ситуации, когда оперирование привычными языковыми средствами становится серьезным препятствием на пути к пониманию явлений природы и общества, ведет к заблуждениям и путанице. Чтобы выбраться из таких затруднений, требуется специальное изучение и усовершенствование имеющихся языковых средств, а также изобретение новых.

Логическое усовершенствование языка до известной степени освобождает человека от той негативной власти, какую имеет над его сознанием

плохое состояние языка. Но оно навязывает человеку позитивную власть языка в том смысле, что обнаруживает границы возможного и неизбежного.

Общеизвестно различие обычного и научного языка. Первый считается естественным, поскольку он является продуктом многовекового творчества всего народа, говорящего на том или ином конкретном языке. Второй считается искусственным, поскольку он является продуктом творчества сравнительно небольшого числа специалистов в течение сравнительно короткого периода времени. Взаимоотношения обычного и научного языков многообразны. Я хочу здесь остановиться только на некоторых вопросах в связи с этим, имеющих интерес с точки зрения цели книги.

Научный язык базируется на обычном языке и не может существовать без него в качестве языка. Уничтожение обычного языка привело бы к уничтожению и языка науки – последний стал бы непонятным. Граница между обычным и научным языками в некоторой мере относительна, исторически условна. Часть терминов и высказываний из научного языка переходит в обычный.

Современный обычный язык даже среднеобразованных людей переполнен терминами, утверждениями и идеями, заимствованными из психологии, медицины, социологии, физики и других областей науки и техники. Научные открытия и технические изобретения вторгаются в обычную жизнь людей, в литературу, в прессу, в телевидение и в кино вместе с их особыми языковыми средствами. С другой стороны, средства обычного языка используются в науке для введения специальных терминов науки и разъяснения их смысла, а на первых порах вообще образуют основу для формулирования и развития новых научных идей и открытий. Короче говоря, в наше время сложился своего рода второй уровень обычного (вненаучного) языка, по богатству понятий и мыслей в огромной степени превосходящий обычный язык в традиционном смысле. Но отнюдь не превосходящий его с точки зрения уровня логической культуры. Понятия и утверждения науки, попадая в сферу обычного языка, трансформируются в нем по смыслу до такой степени, что лишь их чисто графическая или звуковая форма напоминает об их первоисточнике.

В сфере социальных исследований сложилось такое положение, что лишь отдельные фрагменты ее языка и лишь частично удовлетворяют критериям логики и методологии науки. А основная масса слов живет и функционирует по правилам дологического, внелогического и псевдологического мышления. Это особенно сильно ощущается в теоретической социологии, где именно логические средства должны играть главную роль. А тут вы не найдете буквально ни одного термина, который можно было бы признать логически правильно обработанным. Тут вы можете насчитать десятки различных определений «капитализма», «рынка», «демократий», «государства», «культуры», «идеологии» и прочих основных понятий.

Тысячи специалистов манипулируют словами как особыми объектами, не отдавая отчета в их предметном смысле. Они обучаются манипулировать ими применительно к определенным контекстам и ситуациям по принятым в их среде правилам, мало что общего имеющим с интересами познания.

Размышляя на темы о реальном коммунизме и западнизме, а также о происходящем эволюционном переломе, я пришел к выводу, что для научного понимания этих феноменов необходимо прежде всего осуществить логическую обработку языка социальных исследований. Причем эта обработка должна охватить не отдельно взятые понятия, а весь их комплекс. Результатом ее должна явиться не сумма разрозненных фрагментов, а целостная теория (система, концепция), построенная в соответствии с правилами логики и методологии науки. Мыслители прошлого, создававшие теоретические системы, подвергались насмешке напрасно. Они чувствовали, что научный подход к социальным явлениям может быть практически реализован именно в форме всеобъемлющих теоретических систем. Иное дело – «техническая» реализация верной идеи. Она зависит от многих факторов, в том числе – от состояния самой логики... Ниже я изложу мои соображения об определении и экспликации понятий.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Определить объект – значит определить обозначающее его языковое выражение. Последнее называется понятием. Определить объект и определить понятие об объекте – это одно и то же.

Общеизвестны определения путем указания родовых (общих) и видовых (специфических, отличительных) признаков. Например, «Ромбом называется (ромб есть) четырехугольник, у которого все стороны равны». В социальных исследованиях приходится иметь дело с объектами, в отношении которых родовидовые определения совершенно недостаточны. Тут требуется более совершенная и сложная техника определения понятий. И исследователи фактически пошли этим путем, не отдавая себе в этом отчета и смешивая неявные определения слов с утверждениями об объектах, обозначаемых вводимыми в употребление словами. Я анализировал с этой точки зрения многие известные общие социологические концепции и нашел, что все они, будучи в основном феноменами в сфере определения понятий, претендуют на статус совокупностей утверждений об эмпирически данных объектах, относительно которых вроде бы не должно быть сомнений в смысле их обозначения (названия).

А между тем тут имеет место существенное различие. Утверждения об эмпирических объектах имеют значения истинности (ложны, истинны, неопределенны и т.п.), а определения не имеют. Они ни истины, ни ложны. Они характеризуются иными признаками. Они суть решения исследовате-

ля называть какими-то словами выделенные им объекты. Они характеризуются тем, соблюдены или нет правила определения смысла терминологии, насколько они полны и насколько четко выражены с точки зрения правил рассуждений (выводов), насколько удачно выбраны объекты для исследования той или иной проблемы.

Между определениями и утверждениями имеет место логическая связь. В общем виде она такова: если принимается определение, согласно которому определяемый объект А имеет признак В, то тем самым принимается как аксиома утверждение, что А имеет признак В. Например, если принято определение «Ромб есть четырехугольник, у которого все стороны равны», то это равносильно принятию аксиом «Ромб есть четырехугольник» и «У ромба все стороны равны». Таким путем из определений можно выводить чисто логически следствия. Или, например, если вы в определение понятия «общество» включили в качестве одного из определяющих признаков наличие в человеческом объединении государственной власти, то из этого следует, что всякое общество имеет государственную власть, и если в объединении нет такой власти, то объединение не есть общество.

Надо различать определения объектов и перечисление их различных функций, форм и состояний. В определении объекта указываются только такие признаки, которые сохраняются при всех обстоятельствах, пока существует объект. Функции же, формы и состояния объекта могут меняться и разнообразиться. В практике словоупотребления определяющие признаки объектов и такие, которые по идее в определениях не должны фигурировать, не различаются. Это – один из источников неопределенности и многосмысленности терминологии. В определения объектов стремятся втиснуть все, что известно об этих объектах. А так как у разных авторов знания различны, то каждый считает свое понятие об объекте единственно правильным, а прочие – неправильными. Или происходит мысленное умножение объекта, говорится о его качественном изменении и т. п. В результате простые проблемы запутываются и становятся неразрешимыми.

При рассмотрении сложных социальных объектов, состоящих из многих различных объектов, приходится давать определения объекту в целом и его компонентам. При этом должно быть построено одно сложное определение, расчлененное на ряд частичных определений, а не просто некоторое число разрозненных определений. В этом сложном определении между его частичными определениями и определением в целом должна иметь место логическая связь. Объект в целом должен быть определен через его составные части, а части – в отношении друг к другу и к целому. В логике этот тип определения не описан должным образом. В дальнейшем нам с такими определениями придется иметь дело неоднократно. Забегая вперед, упомяну здесь об определении общества и его социальной организации совместно с определениями основных компонентов этой организации – государства, экономики и других. Если брать элементы этого слож-

ного комплекса по отдельности и изолированно друг от друга, они превращаются в предмет бесконечного словоблудия. А будучи взяты именно как элементы единого комплекса, они оказываются сравнительно простыми для понимания.

Приведу еще один прием, который также я ввел в логическую социологию и неоднократно использовал (он пригодится и в дальнейшем). При теоретическом исследовании объектов некоторого данного типа мы вправе выбрать для наблюдения их наиболее развитые и четко выраженные экземпляры. Рассматривая их, мы стремимся найти самое абстрактное их определение – идем от конкретного к абстрактному. При этом мы руководствуемся таким принципом. Самые абстрактные признаки объектов, включаемые в их исходное определение, суть признаки, определяющие их качество. Они сохраняются, пока существуют объекты. Они образуют «нижнюю» эволюционную границу объектов. Найдя такое исходное определение, мы восходим от него к высшему уровню развития объектов – идем от абстрактного к конкретному. При этом мы прослеживаем реальное развитие потенций объектов, изначально заложенных в их определенном выше качестве. В процессе развития абстрактные признаки в конце концов достигают уровня, на котором они воплощаются в особые структурные компоненты объектов, – реализуются в виде, близком к абстрактному «чистому» виду. Это и позволяет в конкретных наблюдаемых объектах найти их абстрактные основы и проследить процесс их развития от их исторического и логического начала до качественного «потолка», предела.

Главным в определениях с точки зрения их роли в познании социальных объектов является не нахождение слова для обозначения выбранного объекта, а процесс выбора объекта и выделения его признаков, которые указываются в определяющей части определения. От того, какие именно объекты исследователь выбирает и какие именно признаки в них выделяет, зависит успех исследования в целом. Тут имеет место свобода выбора.

© Фролов С.С., составитель, 2009